

Ю.А. Корнилов*

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСЛАВНО-ТЕИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРИРОДЫ В СОЧИНЕНИЯХ ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Статья посвящена основным линиям натурфилософских исследований в русском духовно-академическом теизме второй половины XIX – начала XX вв. Автор рассматривает предпосылки возникновения православной космологии в русских духовных академиях, исторический контекст ее формирования, а также основополагающие принципы ее построения. В статье показано, что духовно-академическая философия природы представляет собой уникальный опыт согласования естественнонаучных данных и принципов христианской космологии и является важным этапом ее развития.

Ключевые слова: философия природы, космология, православие, христианство, духовно-академическая философия

The development of the Orthodox philosophy of nature in Russian theological academies philosophy of the late XIXth – early XXth century. YURI A. KORNILOV (Far Eastern Federal University)

The article is devoted to the main lines of research in the field of natural philosophy that were developed in Russian theological academies philosophy in the second half of the XIXth – early XXth century. The author considers the prerequisites for the emergence of Orthodox cosmology in Russian theological academies, the historical context of its making, as well as the fundamental principles around which it was built. The article shows that the philosophy of nature that was developed within Russian theological academies philosophy at that time is a unique attempt of coordinating natural science data and the principles of Christian cosmology and should be seen as an important stage in its development.

Keywords: philosophy of nature, cosmology, Orthodoxy, Christianity, Russian theological academies philosophy

Христианская традиция в своем историческом развитии многократно вступала во взаимодействие с окружавшим ее научно-философским контекстом. Позднеантичное и средневековое христианство использовало аристотелевско-птомелеевскую космологию для

разработки своих взглядов на устройство мироздания. После формирования современной научной картины мира церковная мысль столкнулась с принципиально новым для себя феноменом – бурным развитием экспериментально-математизированного естествознания. С тех

* КОРНИЛОВ Юрий Анатольевич, старший преподаватель кафедры теологии Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: markir-x@yandex.ru

© Корнилов Ю.А., 2023

пор между христианством и светской космологией по линии философии природы¹ пролегал дискусионное поле. По сей день богословы и представители светской науки обсуждают отношение космологии Шестоднева к эволюционной теории, данным палеонтологии, геологии, астрономии и прочих экспериментальных наук. В этот процесс вовлечены не только представители христианских конфессий, но также и мусульмане, буддисты и др.

В этом контексте необходимо обратить внимание на разработку указанного вопроса в русской православной духовно-академической философии, которая представляет собой не только внутриконфессиональное явление, но и полноценное философское течение мирового масштаба. Расцвет православной теистической мысли в России пришелся на вторую половину XIX – начало XX вв. и, таким образом, совпал с бурным развитием естественнонаучной мысли и соответствующих ей концептуализаций экспериментального знания.

В силу сложившейся в указанный период ситуации духовно-академическая философия выступила органичным звеном в истории общехристианской и, в частности, православной рецепции «внешнего» по отношению к церкви научного знания. Православные теисты рубежа столетий показывают особенности восточнохристианского «ответа» на достижения современной научной картины мира, а также позволяют понять степень «подвижности» традиционной православной космологии в условиях давления со стороны новейших фактов из мира науки. Стоит сказать, что в настоящее время отсутствует специальный анализ духовно-академической философии природы, который позволил бы глубже понять специфику русской православной мысли.

Философия природы в русских православных академиях формировалась под влиянием определенных факторов. Во-первых, концептуальным ядром духовно-академической космологии выступало библейское понимание мироздания, которое, с точки зрения православных теистов, имело сверхъестественное происхождение. Библиизм русских академистов проявился в том, что они придерживались креационизма, исповедовали творение мира из ничего трансцендентным Богом, отрицали

пантеизм и деизм, утверждали линейность и телеологичность развития мира, а также присутствие Бога в процессе мировой истории; признавали главенствующее положение человека в космосе; утверждали существование нематериальных субстанций (ангелов и бессмертных душ) и объективное существование реальности.

Во-вторых, православно-теистическая философия природы исторически развивалась под влиянием христианизированной античной мысли. Церковные мыслители еще в доникейский период стали полемизировать с натурфилософскими концепциями античных языческих философов, критикуя панпсихизм и гилозоизм, материалистически-пантеистическую космологию стоиков, эпикурейское отрицание божественного промысла, деистические тенденции платонизма и аристотелизма, общее для античного мира представление о вечности и божественности космоса, платоническое учение о сечности Бога и материи, принижение онтологического статуса материи в некоторых течениях поздней Античности, а также детерминизм и астрологический фатализм. От христианской Античности русские академисты также унаследовали принцип положительного взаимодействия библейской космологии и внецерковной описательной натурфилософии.

Третьим фактором, определившим развитие духовно-академической философии природы, выступала западноевропейская философская схоластика, оказавшая существенное влияние на становление православного духовного образования в России. В этом отношении необходимо отметить тот факт, что русская теистическая традиция усвоила понятийно-терминологический аппарат средневековой схоластики («субстанция», «акциденция», «первая материя» и т.д.), который вместе со статичной аристотелевско-птолемеевской картиной мира в Новое время стал отступать на периферию научного знания. Например, такие понятия, как «материя» и «сила», в трудах естествоиспытателей XIX в. приобретали новое смысловое наполнение. Пытаясь сохранить традиционные библейские установки, православные академисты осуществляли «перевод» своей космологии с языка Аристотеля и Фомы Аквинского на язык описания реальности в новейшем естествознании.

Четвертый фактор, оказавший влияние на русскую академическую космологию, – это но-

¹ В настоящей статье термины «философия природы», «натурфилософия» и «космология» будут использоваться как синонимы.

воевропейская философия природы. С одной стороны, православные теисты критически воспринимали ту западноевропейскую натурфилософию Нового Времени, которая имела ярко выраженный спекулятивный характер. Речь идет о тех мыслителях, которые не были представителями экспериментального естествознания либо не являлись ими в первую очередь: Ф. Бэкон, Р. Декарт, Б. Спиноза, Г.В. Лейбниц, Д. Юм, Дж. Локк, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, Ф.В.Й. Шеллинг, А. Шопенгауэр и др. С другой стороны, в духовно-академической философии проявлялся живой интерес к натурфилософским построениям естествоиспытателей-экспериментаторов, а также к непосредственным открытиям в области математики, физики, химии, геологии, астрономии, палеонтологии, биологии, физиологии, психологии. Православные теисты знакомились с уже имеющимися попытками согласования классической христианской космологии и естественнонаучных данных, а также интересовались инославной философией природы. Отдельные сочинения были посвящены осмыслению феномена научно-технического прогресса и его значения для человечества.

Теперь необходимо раскрыть те концептуальные особенности православно-теистической мысли, которые определяли философию природы в русских духовных академиях конца XIX – начала XX вв. и придавали ей характерную специфику.

В сфере гносеологии православные академики придерживались принципов синтетизма (сочетание религиозного мистицизма и рационализма), середины между крайностями рационализма и эмпиризма, холистической установки, когда научное познание воспринималось в контексте всех форм когнитивной активности человека. Часто в сочинениях православных авторов проявляется тенденция к реализации идеала дисциплинарного синтеза. К примеру, С.С. Глаголев выстраивал следующую взаимосвязь дисциплин: «Естествознание представляет собой совокупность наук о материи и совокупность наук биологических... Лицу, занимающемуся изучением Введения в богословие, необходимо приходится сталкиваться с естествознанием уже через философию. Гносеология всецело опирается на психологию, а знание психологии немислимо без физиологии» [7, с. 379]. С.В. Пишун отмечает центристскую позицию в духовно-академической

философии на примере В.Д. Кудрявцева-Платонова: «В.Д. Кудрявцев-Платонов занимал “центристскую” позицию, отрицая как чрезмерный рационализм в понимании процесса познания Совершенного Существа, который был следствием влияния католической философской схоластики (это влияние присутствовало у ряда представителей киевской философско-теистической школы), так и чрезмерный мистицизм, эмпиризм и психологизм, который тоже был характерен для ряда православных теистов, в частности в Санкт-Петербургской духовной академии» [12, с. 126].

Православные философы критически относились к агностицизму Канта и панлогизму Гегеля. В сочинениях духовно-академических авторов подчеркивалась ограниченность человеческого познания и в то же время – его естественная направленность к постижению абсолютного первоначала. Православные теисты были против автономизации и абсолютизации рационального начала в человеке. Духовно-академическая философия, нередко балансируя между мистицизмом и рационализмом, все же ориентировалась на гармонизацию веры и разума. Академисты, таким образом, встраивались в древнюю патристическую традицию понимания веры как того, что расширяет познание, а не блокирует рациональность как противоположность мистическому откровению. В рамках гносеологического истолкования веры разум становился органом веры, рациональное познание – ее разновидностью.

Рациональные построения, с точки зрения православных авторов, должны быть «апробированы» в непосредственной фактической реальности. Примечательной в этом отношении является позиция В.Д. Кудрявцева-Платонова о соотношении естествознания, философии и богословия: «Занимая срединное положение между естествознанием и богословием, метафизика проигрывает первому – в точности познания мира, второму – в точности познания Бога. С естествознанием философию роднят рациональные и эмпирические методы, с богословием – интерес к высшим началам бытия» (цит. по: [9, с. 11]).

Концептуализация вопросов онтологии и космологии осуществлялась русскими теистами в целом в рамках классической европейской схемы. Православные мыслители выступали против метафизических упрощений в этих областях философского знания.

Академисты отстаивали объективность окружающего мира и обнаруживали в мироздании его идеальные основания, возводящие человека к высочайшему существу. С.С. Глаголев считал, что качественная философия природы неизбежно представляет собой философию религии: «Всякая хорошая книга по философии природы является вместе с тем книгой и по философии религии. Философия природы всегда должна ответить на вопрос: должно ли мыслить мир самодовлеющим космосом или для него должно признать Высшую премирную причину?» [5, с. 247].

В целом духовно-академическая мысль стремилась сохранить срединную позицию между крайними решениями в области онтологии и космологии: с одной стороны, между рационалистическим деизмом и идеалистическим пантеизмом, с другой – между крайним трансцендентализмом и пантеистическим имманентизмом. Особой линией онтологических рассуждений русского православного теизма является критический анализ философии Шеллинга.

Православные академисты проявляли интерес к естественнонаучной сфере, прежде всего, в апологетических целях. В.С. Яворский в 1902 г. отмечал жесткую потребность духовных учебных заведений в освоении естественнонаучных достижений: «В светской, да и в духовной печати неоднократно указывалось на крайнюю скудость познаний воспитанников семинарий по естественным наукам... семинаристы по знаниям окружающей природы стоят гораздо ниже учеников городского училища... Спросите студентов академий, многие ли из них читали хоть обычный учебник зоологии, ботаники, достаточный курс космографии и т.п.» [13, с. 573]. Дореволюционный автор также говорит о необходимости внимательного отношения к «физическим кабинетам» при семинариях и о том, что часто в семинарском заведении «нет приличной пневматической или электрической машины» [13, с. 581].

Философия природы рассматривалась в рамках курсовых сочинений и статей апологетической направленности. К данным естественных наук так или иначе апеллировали в своих работах дореволюционные догматисты митр. Макарий (Булгаков), еп. Сильвестр (Малеванский), архиеп. Филарет (Черниговский), свящ. Николай Малиновский, еп. Михаил (Лузин), проф. А.П. Лопухин и др. В духовных акаде-

миях XIX в. возникает феномен естественнонаучной апологетики, а в Московской духовной академии – отдельная кафедра, активность которой пришлась на период с 1870 г. и до смерти ее основателя, профессора Д.Ф. Голубинского. Цель курса по естественнонаучной апологетике заключалась в том, чтобы «доказать бытие Бога через изучение целесообразности устройства звездного мира и системы законов физики и химии» [11, с. 33]. Теоретический вклад в развитие естественнонаучной апологетики также внесли В.Д. Кудрявцев-Платонов, С.С. Глаголев, Н.П. Рождественский, прот. Н. Сергиевский, Ф. Орнатский, И. Петропавловский и др. Стоит сказать о том, что толчком к развитию апологетики в отечественном богословии послужила критическая рецепция дарвинизма (в период с 1864 по 1917 гг. было опубликовано около полусотни публикаций, затрагивающих тему дарвинизма).

В рамках данной статьи мы можем указать лишь основные линии разработки натурфилософских вопросов в русском духовно-академическом теизме второй половины XIX – начала XX вв. Нам представляется возможным выделить (довольно условно) две части в православно-академической философии природы указанного периода.

Во-первых, речь пойдет об отрицательной (критической) составляющей. Православные теисты критиковали кантовское понимание пространства за односторонность и непоследовательность, а также указывали на то, что оно противоречит современному естественнонаучному познанию. А.И. Введенский подчеркивает недостаточность кантовского априоризма в решении вопроса о сущности пространства: «Пространство не есть внеопытное понятие: ибо, хотя для отнесения наших ощущений вовне действительно необходим в нашем духе некоторый пространственный *rius*, но этот *rius* не может быть истолкован в смысле развитого сознательного представления пространства, а лишь в смысле зародыша или зерна этого представления (что согласуется с разъяснениями самого Канта), каковое зерно развивается в представление не иначе, как под влиянием опыта» [2, с. 397]. По мнению теистов, Кант не смог убедительно доказать, что нашему субъективному восприятию пространства ничего не соответствует в объективной действительности. Критике подвергалась также кантово-лапласовская теория происхождения

Солнечной системы. Из числа спекулятивных натурфилософий Нового времени объектом критики для православных академистов также выступали просвещенческий материализм и пантеистические системы Спинозы, Гегеля и Шеллинга.

Следующая линия духовно-академической критики – это разбор натурфилософских обобщений и оснований естественнонаучного (экспериментального) происхождения. В этом плане прежде всего необходимо отметить критический взгляд православных академистов на попытки абсолютизировать экспериментальный естественнонаучный подход и поставить его на место универсальной метафизики. Некоторые авторы посвящали свои сочинения специальному анализу аксиоматики естественных наук, их гносеологических и эпистемологических оснований, подчеркивая их ограниченный характер. С.С. Глаголев приводил примеры того, как естествоиспытатели пересматривали свои концептуальные основания: химик отрекается от механико-атомистической гипотезы; палеонтолог отрекается от механистического истолкования истории жизни на земле и признает божественный промысел; известный биолог проповедует веру в бессмертие [6, с. 492]. В этом контексте стоит также привести в пример следующий отрывок: «Естественные науки пользуются органами чувств как орудием познания с совершенной наивностью и фатально. Когда с ростом критического самосознания естествоиспытатели начинают сомневаться в правомерности наивного реализма (Гельмгольц, Мах и др.), то этим самым они для себя самих обнаруживают те спорность самой основы естествознания, которая в существе была ясна уже Платону...» [12, с. 345]. С.С. Глаголев показывал, что труды Лобачевского и Римана демонстрируют, что основания геометрии не являются бесспорными [4, с. 4]. Православные авторы неоднократно отмечали, что многие естествоиспытатели используют основополагающие понятия физики, такие как, например, «материя», «протяжение», «пространство», совершенно вульгарно и наивно.

Традиционной для духовно-академического теизма являлась критика материализма, в частности – естественнонаучного происхождения. А. Кириллович подчеркивает ошибочность как материализма, так и увлеченности монизмом: «Современный монизм не есть философия, устранившая материализм, но представляет

один из поучительнейших симптомов саморазложения материализма» [10, с. 120]. С.С. Глаголев в этом плане решительно заявляет: «Естествознание должно порвать свою незаконную связь с материалистической метафизикой и у него должны прекратиться враждебные отношения к религии» [6, с. 495–496]. Отдельно нужно выделить стремление академистов показать ложность идеи вечной и неуничтожимой материи, их критику механического материализма и обнаружение внутренней противоречивости материализма. В этом плане православные академисты приводили в доказательство как сугубо философские, так и естественнонаучные аргументы.

Примечательно, что критика учения о безграничной материи была связана с доказательством конечности пространства: «Полученный логическим путем вывод, что пространство есть свойство вещей и что вопрос о его бесконечности сводится к вопросу о бесконечности числа материальных предметов еще более делает нам возможным представление конечности пространства ... Если мировое пространство конечно, то вывод ... о том, что вселенная стремится к особому предельному состоянию с равномерным распределением энергии становится закрытым для всякого рода возражений» (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, далее – ОР РГБ. Ф. 172. К. 224. № 6. Л. 255). Также академисты задавались вопросом о природе и существовании эфира, иногда ставя под сомнение его реальность: «Теперь взгляд, что свет есть результат волнообразного движения эфира, считается общепринятым. Кто знает, может быть недалек тот день, когда и теория мирового эфира отойдет в область истории... Бесспорен факт, на который наводит мысль об эфире, хотя может быть при подробном выяснении факта самая теория эфира должна быть отвергнута, что все ее самонаименьшие атомы связаны между собой неразрывной связью, что вселенная есть действительно космос» [3, с. 206–207]. Еще один показательный пункт критической программы православных теистов – это критический анализ атомистической теории. С.С. Глаголев заявляет: «Учение об атомах в физике и химии называется плодотворной гипотезой, но не действительным фактом» [5, с. 269].

Также стоит упомянуть о том, что духовно-академические авторы иногда критиковали опыты поспешного и неизменного согласования

(как и рассогласования) библейской космологии и данных естественных наук. С.С. Глаголев в этом отношении предлагал следовать среднему пути: «Нам думается, что в большинстве случаев не нужно спешить ни с отрицанием научных предположений, ни с приспособлением нашего вероучения к новому миропониманию» [4, с. 58].

Описанный нами критический компонент был связан с опытом положительной рецепции естественнонаучных достижений, когда православные академики углубляли свои космологические воззрения на природу за счет достижений в области математики, физики, химии, геологии, биологии, палеонтологии, астрономии, психологии и физиологии. Данные экспериментальных наук использовались русскими теистами для обоснования реальности нематериальной души и невыводимости органической жизни из неорганических начал самопроизвольным путем.

Отдельное внимание стоит уделить попыткам положительного согласования библейского учения о сотворении мира с данными геологии, палеонтологии и астрономии. Например, в своей студенческой работе А. Новорусский критикует две основные гипотезы: гипотезу восстановления (все земные пласты с их органическими останками образовались до шестидневного творения, после чего Бог восстанавливает землю в творческом процессе) и гипотезу соглашения (дни творения понимаются как неопределенно долгие промежутки времени). В итоге автор заключает: «По нашему исследованию библейской истории творения оказалось, что творческие акты Бога необходимо признать параллельными между собой и совершившимися одновременно в течение всей истории миробразования (почему именно мы и не могли разуметь под творческими днями какие-либо моменты времени); но о том же самом свидетельствуют и данные естественнонаучного исследования» (ОР РГБ. Ф. 172. К. 323. № 10. Л. 246–247). Об этом же говорит в своем сочинении Н. Автономов: «При понимании библейских дней творения в смысле параллельных и одновременных творческих моментов легко устраняются противоречия между Библией и естественнонаучными фактами» (ОР РГБ. Ф. 172. К. 164. №. 11. Л. 168). В своей работе автор приходит к выводу, что библейское повествование согласуется с данными геологии, палеонтологии и астрономии.

В настоящей статье мы обозначали лишь основные² линии разработки натурфилософских вопросов в православном духовно-академическом теизме второй половины XIX – начала XX вв. Каждое направление православно-теистической философии природы требует отдельного исследования, представляя собой богатый материал, существенная часть которого еще не опубликована. Обобщая проанализированный нами массив сочинений и статей, мы можем сделать вывод о том, что православные академики подчеркивали историческую подвижность естественнонаучного знания, как и в целом внешнего по отношению к Церкви понимания природы. С другой стороны, они осознавали историческую подвижность той части религиозной космологии, которая не затрагивает основоположений сверхъестественного откровения и которая была заимствована религиозной традицией из окружающего ее культурного контекста. Православные авторы неоднократно предупреждали об опасности абсолютизации как научных выводов о реальности, так и отдельных попыток согласования библейской космологии с данными естественных наук. Духовно-академическую философию XIX – начала XX вв. мы можем по праву понимать как новый исторический виток в теоретическом развитии восточнохристианской и в целом христианской космологии, а также как оригинальный опыт соединения теологии, философии и естественнонаучных данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Введенский А.И. Основатель системы трансцендентального монизма (Окончание) // Вопросы философии и психологии. 1892. Кн. 15. С. 1–17.
2. Введенский А.И. Учение Канта о пространстве: (Разъяснение и критика) // Богословский вестник. 1895. Т. 2. № 6. С. 390–404.
3. Глаголев С.С. Бессмертие прошедшего: (Принцип сохранения явлений) // Богословский вестник. 1903. Т. 1. № 2. С. 193–225.
4. Глаголев С.С. Идеалы человечества на рубеже двух столетий. М.: Университетская типография, 1901.

² В данной статье опущен анализ той части натурфилософских разработок, которые связаны с обсуждением дарвинизма и материалистическим отрицанием бессмертной души. Данная проблематика находится на стыке с антропологией и требует специального исследования.

5. Глаголев С.С. Новости русской литературы по религиозно-философским вопросам // Богословский вестник. 1898. Т. 4. № 11. С. 245–285.

6. Глаголев С.С. Новые веяния в области естествознания // Богословский вестник. 1896. Т. 4. № 12. С. 490–503.

7. Глаголев С.С. Об отношении философии и естественных наук к науке Введения в Богословие // Богословский вестник. 1892. Т. 3. № 12. С. 370–390.

8. Глаголев С.С. Религия и наука в их взаимоотношении к наступающему XX столетию. Сергиев Посад: Собственная типография, 1900.

9. Кабанова М.Л. Религиозная метафизика В.Д. Кудрявцева-Платонова: дис. ... канд. филос. н. Благовещенск, 2006.

10. Кириллович А. Онтология и космология Спинозы в связи с его теорией познания // Вера и разум. 1894. Т. 2. Ч. 1. С. 119–150.

11. Мумриков О.А. Естественнаучная апологетика как целостная дисциплина: общий обзор // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2009. № 4. С. 28–41.

12. Пишун С.В. Теистическая концепция религии и познания сверхсущего В.Д. Кудрявцева-Платонова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2017. № 3. С. 123–126.

13. Эрн В.Ф. Природа научной мысли // Богословский вестник. 1914. Т. 1. № 2. С. 342–368.

14. Яворский В.С. Кафедра физико-математических наук в духовных семинариях: (несколько слов и мыслей по поводу ожидаемой реформы духовно-учебных заведений) // Богословский вестник. 1902. Т. 2. № 7/8. С. 567–583.

REFERENCES

1. Vvedenskii, A.I., 1892. Osnovatel' sistemy transtsendental'nogo monizma (Okonchanie) [The founder of the transcendental monism system (The final part)], Voprosy filosofii i psikhologii, no. 15, pp. 1–17. (in Russ.)

2. Vvedenskii, A.I., 1895. Uchenie Kanta o prostranstve: (Raz'yasnenie i kritika) [Kant's doctrine of space: (Explanation and criticism)], Bogoslovskii vestnik, Vol. 2, no. 6, pp. 390–404. (in Russ.)

3. Glagolev, S.S., 1903. Bessmertie proshedshego: (Printsip sokhraneniya yavlenii) [Immortality of the past: (The principle of

conservation of phenomena)], Bogoslovskii vestnik, Vol. 1, no. 2, pp. 193–225. (in Russ.)

4. Glagolev, S.S., 1901. Idealy chelovechestva na rubezhe dvukh stoletii [Ideals of mankind at the turn of the century]. Moskva: Universitetskaya tipografiya. (in Russ.)

5. Glagolev, S.S., 1898. Novosti russkoi literatury po religiozno-filosofskim voprosam [News of Russian literature on the issues of religion and philosophy], Bogoslovskii vestnik, Vol. 4, no. 11, pp. 245–285. (in Russ.)

6. Glagolev, S.S., 1896. Novye veyaniya v oblasti estestvoznaniya [New trends in the field of natural sciences], Bogoslovskii vestnik, Vol. 4, no. 12, pp. 490–503. (in Russ.)

7. Glagolev, S.S., 1892. Ob otnoshenii filosofii i estestvennykh nauk k nauke Vvedeniya v Bogoslovie [On the relation of philosophy and natural sciences to the Introduction to Theology], Bogoslovskii vestnik, Vol. 3, no. 12, pp. 370–390. (in Russ.)

8. Glagolev, S.S., 1900. Religiya i nauka v ikh vzaimootnoshenii k nastupayushchemu XX stoletiyu [Religion and science in their relation to the coming XXth century]. Sergiev Posad: Sobstvennaya tipografiya. (in Russ.)

9. Kabanova, M.L., 2006. Religioznaya metafizika V.D. Kudryavtseva-Platonova [Religious metaphysics of V.D. Kudryavtsev-Platonov], dissertatsiya kandidata filosofskikh nauk. Blagoveshchensk. (in Russ.)

10. Kirillovich, A., 1894. Ontologiya i kosmologiya Spinozy v svyazi s ego teoriei poznaniya [Ontology and cosmology of Spinoza in relation to his theory of knowledge], Vera i razum, Vol. 2, no. 1, pp. 119–150. (in Russ.)

11. Mumrikov, O.A., 2009. Estestvennonauchnaya apologetika kak tselostnaya distsiplina: obshhii obzor [Natural science apologetics as a holistic discipline: an overview], Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya, no. 4, pp. 28–41. (in Russ.)

12. Pishun, S.V., 2017. Teisticheskaya konseptsiya religii i poznaniya sverkhshushchego V.D. Kudryavtseva-Platonova [The theist concept of religion and cognition of the super-existent of V.D. Kudryavtsev-Platonov], Sotsial'nye i humanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke, no. 3, pp. 123–126. (in Russ.)

13. Ern, V.F., 1914. Priroda nauchnoi mysli [The nature of scientific thought], Bogoslovskii vestnik, Vol. 1, no. 2, pp. 342–368. (in Russ.)

14. Yavorskii, V.S., 1902. Kafedra fiziko-matematicheskikh nauk v dukhovnykh seminariyah: (neskol'ko slov i myslei po povodu ozhidaemoi reformy dukhovno-uchebnykh zavedenii) [Department of physics and mathematics in theological

seminaries: (a few words and thoughts on the expected reform of theological education institutions)], Bogoslovskii vestnik, Vol. 2, no. 7/8, pp. 567–583. (in Russ.)

